✦ МОНОЛОГ НЕРАВНОДУШНОГО ЧЕЛОВЕКА

О, СВЯЗЬ ВРЕМЕН!

Потребность кое о чем вспомнить и кое над чем поразмыслить возникла у меня после посещения двух разных концертов — «итальянского концерта» Дмитрия Хворостовского, а также концерта, посвященного памяти Анания Ефимовича Шварцбурга.

То, чем наш город располагает в лице Д. Хворостовского, кажется, еще не до конца осмыслено даже музыкальными кругами Красноярска. С одной стороны, это проявляется в великолепной местечковой уверенности, что он был, есть, будет и никуда не денется. С другой стороны — каждый, открывая для себя его искусство, бывает ошеломлен красотой и свежестью его голоса. Пожалуй, нет в СССР на сегодняшний день другого лирического баритона, который можно было бы сопоставить с Хворостовским по вокальным данным и высокой культуре пения.

«Откуда он взялся такой?» — подобные вопросы приходилось слышать неоднократно, и не только в нашем городе, но даже на «брегах Невы». Мне нравится, что такой вопрос возникает, нравится, что мы задумываемся. Ведь в самом деле, у всякой полноводной реки несколько различных по глубине истоков.

С 1963 года в городе начали проходить ежегодные гастроли театров оперы и балета. Красноярску очень повезло тогда. Вкус публики формировали в основном театры Перми и Новосибирска.

В те годы до отказа заполнялись залы театров им. А. С. Пушкина или музкомедии, завсегдатаи уже узнавали друг друга, у публики были свои любимцы.

Я не знакома с семьей Хворостовских, но, зная по газетным публикациям, какую роль сыграл в формировании Дмитрия его отец, думаю, что наверняка описанный выше период не мог пройти мимо внимания этой семьи.

Совершенно очевидно, что вокальная традиция, которую развивает Дмитрий, восходит к творчеству П. Г. Лисициана, большого мастера вокала и тонкого интерпретатора, у которого для каждого композиторского стиля и эпохи находились в арсенале средств индивидуальные краски. Павел Герасимович пел в нашем городе в 1969 и 1970 годах. А знаете ли вы, с кем из вокалистов Лисициан общался в Красноярске и кого считал примером для подражания? Георгия Григорьевича Асатиани, еще одного обладателя прекрасного лирического баритона с сибемолем в верхнем регистре, чья вокальная школа приобретена у И. П. Прянишникова, педагога, воспитавшего также Мравину, Бакланова, Катульского, Фигнера. Асатиани много лет прожил в Красноярске, участвовал в работе первого лектория при филармонии, знал секреты долгой жизни певческого аппарата, поскольку сумел уберечь до самой кончины своей голос, несмотря на 13 лет, проведенных на Соловках.

Неисповедимы пути, по которым движется и передается культурная традиция...

И кто бы мог подумать, что в стенах института искусств Д. Хворостовскому суждено будет учиться у Е. К. Иофель, которая первоначальную школу постановки голоса прошла в Красноярском музыкальном училище (в прошлом — музыкальном техникуме) в классе М. Н. Риоли-Словцовой. Окончив консерваторию, Е. К. Иофель работала некоторое время в Красноярском училище, уехала и через много лет вновь возвратилась в родной город, но уже для преподавания в институте искусств. И как рассказала в одной из телепередач сама Екатерина Константиновна, не попал бы к ней Дмитрий, если бы не протекция ныне покойного Серафима Васильевича Година, который много лет был добрым гением музыкантов города — настройщик с золотыми руками и огромной душевной щедрости человек.

Теперь возвратимся к концерту памяти А. Е. Шварцбурга. Какое же отношение имеет этот музыкант к вышеизложенному? Ананий Ефимович был тем человеком, который два десятилетия кряду определял картину музыкальной жизни города, растил и питал культурную традицию. В тот вечер ясно обнаружилась преемственность различных поколений именно красноярских музыкантов: пианистки Н. Л. Тулуниной, скрипача А. Ривкина и певца Д. Хворостовского. Замечу, между каждым из них разница в четверть века. «О, связь времен! О, токи просвещенья!».

Конечно, прекрасно, что эти на первый взгляд невидимые нити существуют и не обрываются. Но они могли быть еще более прочными, если бы мы умели целенаправленно их укреплять. Ведь уже случалось так, что многие музыканты, которые когда-либо учились в Красноярске и которых при определенных условиях можно было сохранить для города, оказались потеряны для нас. Назову лишь несколько фамилий: Н. Низяенко (бас) — ныне солист Большого театра; Т. Бобровицкая (сопрано) — солистка Свердловского театра, заслуженная артистка РСФСР, лауреат Государственной премии; С. Гончаренко — кандидат искусствоведения, заведующая кафедрой теории музыки Новосибирской консерватории. Все они, очевидно, нисколько бы не помешали превращению Сибири в край высокой культуры. Кстати, об этом. Слова эти сами по себе совсем даже неплохие, но, думается, не было б нужды делать из них очередной броский лозунг, если б пораньше заняться «собиранием камней», сиречь аккумулированием кадрового потенциала, взращенного на месте. Получилось так: если что и имели — не дорожили. Те из «родных детей», которых Сибирь не приветила, ее покинули. Но вот прошло время, и пришлось бросить клич, то бишь этот самый лозунг, чтобы привлечь сюда творческие силы музыкантов со всей страны.

Извлекли ли мы урок? Научились ли ценить кровное, взлелеянное? Наверное, не до конца. Один пример.

Теперь, когда ясно, что с появлением Д. Хворостовского наша оперная труппа обрела певца, по которому «скучают» сложнейшие в мировом оперном репертуаре партии Дон Жуана, Андрея Болконского, Воццека, а также многие вердиевские баритоновые партии, просто грешно не воспользоваться этим.

Такие качества Д. Хворостовского, как потрясающая работоспособность, преданность музыке, а также всепоглощающая власть музыки над певцом, следовало бы направить в более конструктивное как для самого певца, так и для театра, русло и, использовав этот, как сказали бы прежде, «знак божий», строить репертуарную политику театра, учитывая существование в нем певца экстра-класса. Психология публики повсеместно такова, что она идет «на артиста», то есть в нашем случае «на Хворостовского». Певица с мировой известностью Наталья Троицкая, живущая и выступающая за рубежом, на страницах журнала «Музыкальная жизнь» сетует на дефицит оперных «звезд» на Западе, а мы, имея «звезду», не знаем, как ею с толком «распорядиться», и только все сетуем, что театр-де оперный нерентабелен и пользуется большой государственной дотацией.

История доказывает, что искусственно культуру не привнесешь. Она может только расти, созревать постепенно, изнутри, при условии создания благоприятной ситуации, подобно ребенку в чреве матери.

Я, очевидно, не буду оригинальной, если скажу, что со времени создания симфонического оркестра, открытия института искусств, театра оперы и балета, концертного комплекса, органного зала как раз и начала складываться такая ситуация в Красноярске. Несомненно, что после 1978 года градус музыкальной жизни города и края неизмеримо вырос, и ее история вступила в качественно новый этап. Это было особенно ощутимо после 3—4 лет некоторого «затишья» в середине 70-х годов. Однако существует одно обстоятельство, с которым я никак не могу согласиться.

На протяжении довольно длительного времени в радио- и телепередачах, посвященных музыкальной жизни города, то и дело мелькает мысль, что до 1978 года Красноярск в области культурной был, фигурально выражаясь, целиной непаханой. Людям, родившимся здесь и хоть каким-то образом причастным к событиям прошлого, далекого и не очень, слышать это по меньшей мере странно.

Были на берегах Енисея и раньше профессиональные певцы, исполнители-инструменталисты, композиторы, которые все вместе подготовили почву для настоящего времени. Напомню только для убедительности, что, например, дань уважения композитору Ф. П. Веселкову город отдал тем, что сделал на длительное время интонации его песен музыкальными заставками к информационным передачам местного телевидения, музыкальными сигналами часов на здании горсовета и в концертном комплексе (песня «Енисей-богатырь»).

У всякой полноводной реки несколько различных по глубине истоков. Культура без преемственности немыслима. Помнить и хранить прошлое необходимо. А за именитыми земляками дело не станет.

Э. ВАНЮКОВА,
музыковед.

Редактор А. НЕПОМНЯЩИЙ